

Г-н Блок о земледелях, долгобородых арийцах, паре пива, обо мне и о многом друом

В шестом номере "Золотого руна" за 1907 год г. Блок, разбирая новые стихотворные сборники, высказал свое собственное поэтическое *credo*. Сличая некоторые места из VI главы, где Блок разбирает мою книгу "Цветы и ладан", с некоторыми местами из 1-й главы, где Блок излагает свои общие мысли о поэзии, я усмотрел между этими местами несомненную связь. Единство им придает равная степень озлобления, доводящая критика, обыкновенно весьма кроткого и нежного, до брани дурного тона, до восклицаний вроде: "Ему я посылаю мое презрение от лица проклятой и светлой лирики. Так я хочу".

Против "так я хочу" полемика невозможна. Доказательство можно опровергнуть доказательством, но "так я хочу", пощечина, плевок -- неопровержимы, и Блок занял воистину неприступную позицию. Также я ничего не могу возразить против того, что "в тысячах окон качается ситцевая занавеска", против того, что "румяный академик в холщовом сюртучке склоняет седины над грудой переплетенных книг", против того, что "бесстрашный и искушенный мыслитель, ученый, общественный деятель -- питаются плодоносными токами лирической стихии". Все это, хотя чрезмерно торжественно и витиевато, но по крайней мере правдоподобно; но, к сожалению, Блок не ограничивается этими интересными наблюдениями и на двух страницах решает вопросы религии, эстетики, общественности и многие другие, причем от его решения побледнел бы самый *румяный* академик и самый *бесстрашный* ученый устранился бы "плодоносных токов лирической стихии", грозящих затопить все *груды* книг, не только "переплетенных", но и переплетенных.

Г-н Блок слышал о христианстве. В своей автобиографии он сообщил, что учился на филологическом факультете. О христианстве писали Мережковский, Вячеслав Иванов, Андрей Белый. Но автор "Балаганчика" расправился с христианством очень скоро, всего на пяти строчках: "но есть легенда, воспламеняющая сердца. Она -- как проклятое логово, залегающее в полях, в горах и в лесах; и *христиане-арийцы, долгобородые и мирные*, обходят его, крестясь. Они правы. Здесь нечего делать мирной душе, ее "место свято", а это место -- "проклятое". Где ты, румяный академик? Приди и скажи: "Почему, г. Блок, именуете Вы долгобородыми арийцев, т. е., напр<имер>, немцев, англичан, французов? и можно ли говорить "христиане-арийцы", когда все греко-римское язычество создано арийцами и когда христианство выросло на семитической почве и сам Христос был семитом? И неужели же Гёте, Шекспир, Лейбниц -- несомненные арийцы -- не заслуживают от Вас ничего, кроме презрения? Потрудитесь обосновать Вашу явно семитическую тенденцию". Итак, арийцам -- не место в "проклятом логове", где засел "лирик". Блок торжественно предостерегает приближающихся к этому логову: "Люди, берегитесь, не подходите к лирику". Но, вопреки всем ожиданиям, несмотря на ужасные угрозы, прямо выписанные из устарелой романтики и только слегка позолоченные дешевым модернизмом, как: "В ваших руках засверкают тонкие орудия убийства, и в окне вашем лунной ночью закачается тень убийцы. И ваши жены отвергнут вас и, как проклятые жрицы древних религий, пожелают холодных ласк трепетной и кольчатой змеи" (о!), "люди" осмелились и подошли, они "приходят и берут". Что же они берут? На это г. Блок отвечает фантазиями, которые, в свою очередь, ужаснут "бесстрашного общественного деятеля". Оказывается, что "на просторных полях русских мужики, бороздя землю плугами, поют великую песню -- "Коробейников" Некрасова". Где видел г. Блок, чтобы мужики пели "Коробейников", "бороздя землю плугами"? Нет, г. Блок, если б Вы наблюдали мужиков не из Вашего кабинета, как добрый помещик старого времени, то Вы узнали бы, что мужику не до Ваших "плодоносных токов лирической стихии", когда он, ругая тощую лошаденку и обливаясь потом, пашет землю. Если он и будет петь Ваших "Коробейников", то в праздник, а коли он -- мужик дельный, то предпочтет в свободный вечер почитать газетку да поговорить с умным человеком о последнем заседании Государственной Думы или о чем другом, что считает важнее "сладкого бича ритмов". Ох, довольно уже он испытал "сладость" всяких бичей!

Не более утешает и другая бытовая сценка, рассказанная г. Блоком: "Над извилинами русской реки рабочие, обновляющие старый храм с замшелой папьертью, -- поют "солнце всходит и заходит" Горького". Если эта сцена и правдоподобнее первой, то все же г. Блок совершенно напрасно радуется тому, что обновление храма производится не с соответствующими религиозными помыслами, а под напев пошлой революционной песни, по существу антихудожественной, и во всяком случае не народной.

Далее г. Блок посылает презрение, от лица "проклятой и светлой лирики" тому, кто "умеет слушать и умеет обратить шумный водопад лирики на колесо, которое движет тяжкие и живые жернова, знает, что все стихийное и великое (?) от века благотельно и ужасно вместе, знает это и не хочет признаться... Он не задержит стихии. Он будет только маячить над ней, бросая свою уродливую тень на